

философии истории, которая явилась прогрессивной ступенью в развитии наших познаний об историческом процессе. Иоанна Малалу нельзя также поставить в ряд и с его близкими современниками — Прокопием, Агафием, Феофилактом Симокаттой. Эти корифеи византийской исторической науки еще оставались последними и наиболее талантливыми представителями античной историографии на византийской почве, хотя у них иногда через густой покров риторики, насыщенной античными реминисценциями, уже начинает пробиваться христианская идеология.

В отличие от них, Иоанн Малала принадлежит отчасти уже средневековой эпохе, это — монах-компилятор: он дает сводку чужих произведений, считая это не только своим правом, но и своей обязанностью.

Вместе с тем, несмотря на свой христианский характер, исторические построения Иоанна Малалы несут на себе родимые пятна античности. Его христианско-библейская концепция мировой истории во многом оказалась зеркалом, хотя зачастую кривым, античной, в первую очередь греческой, истории и даже греческой мифологии.

Это было по существу христианское произведение с большой дозой античной приправы¹²⁸.

В основе всемирно-исторической концепции Малалы лежит библейская традиция. Главной движущей силой исторического процесса у него выступает промысел божий, а вся история человечества есть всего лишь неизбежное осуществление предначертаний господних. Но, казалось бы, неожиданно в хронике Малалы в христианскую космогонию врывается Олимп древнего грека со всеми его обитателями, хотя и лишенными божественного ореола. Греческая мифология, хотя и в переработанном виде, уживается с христианской догматикой. Вытравливая из греческой мифологии божественность языческую, сводя олимпийских богов с неба на землю, автор вносит одновременно в языческие мифы божественность христианскую. По библейской канве он расшивает богатый античный узор. Канва заметно уродует узор, но все же сквозь завесу христианского благочестия проступают благородные черты образов, созданных вдохновенной фантазией античных греков.

Борьба двух тенденций, античной, языческой, и средневековой, христианской, пронизывает хронику Малалы, хотя, естественно, сам автор этого и не подозревает, думая, что его произведение вполне соответствует христианским канонам.

И несмотря на все эти слабости, историческому сочинению Малалы суждено было занять выдающееся место не только в византийской, но и в мировой средневековой историографии.

Загадка необычайной известности хроники Малалы состоит в том, что ее автор сумел в простой, доходчивой форме соединить богатейшее наследие античной историографии с христианским мирозерцанием. Христианство, родившееся на развалинах античного мира и завладевшее, казалось, без остатка духовной жизнью средневековой Европы, не смогло все же уничтожить обаяния языческой культуры. Заслугой Иоанна Малалы для средневекового человека было то, что он богов и героев языческого мира, забытых, хотя и преследуемых, сумел облечь в одежды христианского смирения, а античную историю перекроить на библейский лад. Историческая инерция античной языческой цивилизации была столь могущественна, что смиренный христианин-летописец VI в., борясь против нее, сам был ею побежден. Когда читаешь благочестивый труд Иоанна Малалы, ясно видишь, что классическая древность еще не перестала быть живым, близким прошлым его страны, еще не утратила власть над его христианской душой.

¹²⁸ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 49—51.